

Н.А.ЛЬВОВ И «РУССКИЙ АНАКРЕОН»

© 2009 Е.Г.Милюгина

Тверской государственный университет

Статья поступила в редакцию 30.04.2009

Статья посвящена главному переводческому труду Н.А.Львова (1753 – 1803) – «Анакреону» (1794). Книга впервые описана комплексно, с учетом ее структуры, комментариев и правки, сделанной поэтом при подготовке второго (неосуществленного) издания. Цель исследования – уяснение специфики львовской концепции художественного перевода и понимания Львовым сущности анакреонтики.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Н.А.Львов, художественный перевод, анакреонтика.

«Стихотворение Анакреона Тийского» (далее – «Анакреон»)¹ – главный переводческий труд Н.А.Львова наряду с «Русским Палладием». Изданный в 1794 г., «Анакреон» давно уже стал раритетом. В течение двух с лишним веков он переиздавался лишь фрагментарно². Наиболее полно «Анакреон» републикован в единственном на сегодня собрании сочинений Львова, однако и здесь есть купюры, касающиеся как самих переведенных текстов, так и авторских комментариев³. Сокращенные перепечатки труда Львова привели к тому, что в отечественных и зарубежных исследованиях о поэте и о русской анакреонтике в целом «Анакреон» описан выборочно, фрагментарно, без анализа структуры книги, авторского замысла и комментариев⁴. Общая активизация интереса современных

исследователей к проблеме анакреонтики XVIII в.⁵ не изменила ситуации с «Анакреоном» Львова. Специального исследования об «Анакреоне» до сих пор нет, хотя не так давно оцифрованное издание 1794 г. стало доступным в электронных библиотеках⁶. Необычность построения «Анакреона» для издательской практики XVIII в. спровоцировала существенные ошибки типографов, что привело к неточному описанию книги в библиографических каталогах XX в. И, наконец, на сегодня не только не издана, но даже не описана полностью вторая редакция «Анакреона» – ей посвящена всего лишь одна (хотя и очень содержательная) статья⁷.

Таким образом, «Анакреон» Львова представляет несомненный интерес в самых разных аспектах и потому заслуживает специального развернутого исследования. Во-первых, книга воплотила львовскую концепцию художественного перевода и стала итоговой в этом направлении деятельности поэта. Во-вторых, она вошла в своеобразный цикл «античных» сочинений и проектов Львова, отразивших оригинальное решение поэтом «спора о древних и

° Милюгина Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения. E-mail: Elena.Milyugina@tcersu.ru

¹ [Анакреон.] Стихотворение Анакреона Тийского: В 3 кн. / Перевод **** [Н.А.Львова]. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1794. – [2], XLIV, 287 с.

² Львов Н.А. Стихотворение Анакреона Тийского (с сокр.) // Поэты XVIII в. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. 2. – С. 212 – 223 (Библиотека поэта: Большая серия); *он же*. Лирические и сатирические стихотворения; Из Анакреона // Русская поэзия XVIII в. – М.: Художественная литература, 1972. – С. 426 – 432 (Библиотека всемирной литературы. Серия I. Т. 57).

³ Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С.Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю.Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н.А.Львова подготовлен А.В.Татаринным. – Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. – С. 106–164.

⁴ Drage C.L. The Anacreontea and 18th-Century Russian Poetry // The Slavonic and East European Review. – 1962. – V. 41, No. 96. – P. 110 – 134; Лидин Вл. Друзья мои – книги: Заметки книголюба. – М.: Книга, 1966. – С. 41; Ионин Г.Н. Творческая история сборника «Анакреонтические песни» // Державин Г.Р. Анакреонтические песни / Отв. ред. Г.П.Макогоненко. – М.: Наука, 1986. – С. 346 – 348; Schenk D. Studien zur anacreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit. – Frankfurt a. M., 1972. – P. 121; Ланно-Данилевский К.Ю. О литературном наследии Н.А.Львова //

Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С.Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю.Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н.А.Львова подготовлен А.В.Татаринным. – Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. – С. 20 – 22; Анакреон / Подгот. Е.Ступкин // ВИКА: Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. – Вышний Волочек: Вышневолоцкая типография, 2001. – Вып. 5. – С. 113 – 115.

⁵ Rosenmeyer P.A. The Poetics of Imitation: Anacreon and the anacreontic tradition. – Cambridge: CUP, 1992; O'Brien J. Anacreon Redivivus: A study of anacreontic translation in mid-sixteenth-century France (Recentiores: Later latin texts & contexts). – Michigan: UMP, 1996; Roth M. 'Anacreon' and drink poetry, or The art of feeling very, very good // Texas Studies in Literature and Language. – 2000. – 22 sept.

⁶ [Анакреон.] Стихотворение Анакреона Тийского [Электронный ресурс] / Перевел **** [Н.А.Львов]. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1794. – [2], XLIV, 287 с. – Режим доступа:

<http://www.lib.pu.ru/dcol/jsp/RcWebBrowse.jsp> (12.03.2009)

⁷ Долгова С.Р., Ланно-Данилевский К.Ю. Работа Н.А.Львова по подготовке второго издания переводов из Анакреона // XVIII в. Сб. 17. – СПб.: Наука, 1991. – С. 190 – 202.

новых». И, наконец, она сыграла важную роль не только в становлении отечественного переводческого искусства, но и в развитии русской анакреонтики XVIII – первой трети XIX в. На львовские опыты перевода, его советы и рекомендации опирались в своем переводческом и оригинальном творчестве Г.Р.Державин, В.В.Капнист, А.М.Бакунин; анакреонтические стихи Львова оказали влияние на поэзию К.Н.Батюшкова и А.С.Пушкина.

В рамках статьи исследовать все названные аспекты невозможно, поэтому необходимо конкретизировать ее задачу. Задача данного исследования – описать структуру «Анакреона» и определить его место в творческой эволюции Львова, а также уяснить специфику львовской концепции художественного перевода и понимания поэтом сущности анакреонтики. Материалом исследования является «Анакреон» Львова в его второй (неопубликованной) редакции. Это хранящаяся в коллекции РГА-ДА книга 1794 г. с авторской правкой, внесенной в печатный текст рукой В.В.Сумарокова – секретаря Львова в последние годы его жизни.

Какое же место занимает «Анакреон» в творческой эволюции Львова? Этому труду предшествовали переводы 1770 – 1780-х гг. из европейской литературы разных эпох и национальных культур: из Ф.Петрарки, П.Корнеля, Ж.Расина, Ж.Лафонтена, Ф.Фенелона, Ж.-Б. Мольера, Вольтера, Ж.-Б. Руссо, Ж.-Ж. Руссо, Н.Прадона, Ж.-Ф. Мармонта, Ж. Б. д'Аржанса, Ш.Л.Монтескье и других авторов⁸. В выборе источников Львов не был оригинален: они отражают круг чтения образованного русского дворянина последней трети XVIII в. Львов не ставил перед собой задачи подготовить тексты к публикации – не случайно это почти всегда разрозненные фрагменты, рабочие наброски, переводы-переложения. Главным было желание освоить арсенал идей и образов европейской литературы и научиться писать. Задача же выбора переводческой стратегии во многом определялась тем обстоятельством, что культура Ренессанса была отчасти знакома автору, как и любому образованному русскому человеку того времени, по книжным источникам⁹, а европейский классицизм и Просвещение – и по непосредственному общению с носителями культуры¹⁰, вплоть до личного знакомства с писателями и

поэтами во время заграничных путешествий¹¹. Это во многом облегчало переводчику решение проблемы адаптации текста. Культурные особенности страны «отправления» переводимого текста (Италии эпохи Возрождения, Франции и Германии эпохи Просвещения) были заранее известны читателям страны «прибытия»¹², более того – частично входили в их память и образ мыслей, вращались в их ментальность, становились привычными, близкими (это касается в первую очередь современной Львову французской и итальянской культуры). Ведущей стратегией здесь является стремление к точной передаче слова и духа оригинального текста.

Другое дело – культура далекая по времени, ментальности, мере и степени освоенности: «светлая» античность, возведенная классицизмом в статус вечного образца, или «темное» средневековье, воспринимавшееся как чужой, «дикий», хтонический мир. Переводчик, взявшийся за такой текст, должен был изучить культуру страны «отправления», понять запечатленное в тексте общечеловеческое и национально-специфическое, соотнести их с особенным страной «прибытия» и найти путь их воплощения средствами ее языка. В этом смысле переводы Львова 1790-х гг. производят впечатление поэтического эксперимента. В них поэт решил соединить две стратегии творческого поведения: стремление к точной передаче слова и духа оригинального текста, с одной стороны, и художественную свободу интерпретации источника – с другой. Эти переводы автор предназначал для публикации, поэтому можно говорить о высокой степени осознанности экспериментальных опытов.

Стратегия творческой свободы декларирована в стихотворении «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» (1793). Как сказано в пространный заголовке, оно «переложено на российский язык образом древнего стихотворения с примером «Не звезда блещит далече во чистом поле». Вместе с тем переложение «вполне точно воспроизводит форму скальдической песни, состоящей из нескольких куплетов с рефреном в последней строке»¹³. Следовательно, Львов ищет здесь формы сопряжения скандинавской и русской средневековых культур и поэтому от «грамматической» (буквальной) стратегии перевода обращается к «мифотворческой» (в тер-

⁸ Кокорев А.В. «Труды разумных общников» (Рукописный журнал Н.А. Львова и других) // Ученые записки / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К.Крупской. – 1960. – Т. 86. – Вып. 7. – С. 46; Латто-Данилевский К.Ю. К вопросу о творческом становлении Н.А.Львова (По материалам черновой тетради) // XVIII в. Сб. 16. – Л.: Наука, 1989. – С. 256 – 270.

⁹ Латто-Данилевский К.Ю. Из истории знакомства с Петраркой в России // Русская литература. – 1991. – 3. – С. 68 – 75.

¹⁰ Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.

¹¹ *L'von N.A. Italienisches Tagebuch: Ital'janskij dnevnik / Hrsg. und kommentiert von K. Yu. Lappo-Danilevskij. Übers. aus dem Russischen von Hans Rothe und Angelika Lauhus. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1998. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B, Neue Folge, Band 13).*

¹² Не предназначенные для публикации, переводы Львова активно обсуждались в львовско-державинском кружке, что позволяет говорить об их реальном, а не воображаемом читателе.

¹³ Степанова М.Г. Образ Гаральда Смелого в русской литературе XVIII – XIX веков // К 85-летию высшего профессионального образования на Урале. – Соликамск: 2002. – С. 205.

минологии его современника Новалиса¹⁴), создавая русскую песнь о норвежском витязе.

Переводческая стратегия «Анакреона» еще более своеобразна. Для Львова это был не первый перевод из античной поэзии. Ранее он переводил Сафо¹⁵, но выборочно, и главный его интерес был связан не с генезисом текста, а с психологией авторского я. Замысел же издать оды Анакреона как единую книгу стихов был совершенно иным по масштабу и требовал иного концептуального решения. Истинное значение сделанного Львовым открывается в контексте того внимания к литературе и культуре античности, которое было характерно для русского XVIII в.

Анакреонтика привлекала особое внимание поэтов XVIII в.: она была созвучна эстетике садово-парковой древности а la Антонио Канова и осмыслялась как воплощение всего утраченного греческого лирического наследия в целом¹⁶. Первым за перевод Анакреона на русский язык взялся А. Д. Кантемир (конец 1730-х): он перевел 55 од, которые, однако, не были опубликованы и потому не оказали влияния на русский литературный процесс. Русский читатель впервые познакомился с Анакреоном в переводах М.В.Ломоносова: это было стихотворение «Ночную темнотою...» (1748) и несколько од, включенных в «Разговор с Анакреоном» (при жизни поэта не опубликованы, но известны с 1760-х гг. в списках). В полемически построенном «Разговоре» – программном манифесте патриотической поэзии – Ломоносов представил оды Анакреона как образец антигражданственной лирики, что исказило представление об истинной сути стихов древнегреческого поэта. В 1750-е гг. А.П.Сумароков, опираясь на французские и немецкие переводы Анакреона, ввел в русскую литературу анакреонтическую оду, под которой понимал жанр легкой поэзии, близкий к любовной лирике. Жанр получил признание, и «анакреонтическим стихом» стали писать последователи Сумарокова: М.М.Херасков, А.А.Ржевский, И.Ф.Богданович и др. В их творчестве анакреонтическая ода превратилась в легкое стихотворение, изысканно-шаловливое рассуждение на эротическую тему, лишь отдаленно напоминающее оды древнегреческого лирика. Попытка преобразовать жанр отразилась в поэзии сентименталистов, в частности Н.М.Карамзина, который стремился запечатлеть в анакреонтике автобиографические моменты и выразить реальное живое чувство¹⁷.

¹⁴ Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Под ред. А.С.Дмитриева. – М.: МГУ, 1980. – С. 105.

¹⁵ Свясов Е.В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – начала XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 63 – 73.

¹⁶ Завьялов Сергей. Вячеслав Иванов – переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. – 2009. – 95.

¹⁷ Макогоненко Г.П. Анакреонтика Державина и ее место в

Появление «Русского Анакреона» стало важным событием в литературной жизни России конца XVIII в. По объему опубликованных текстов, своеобразию переводческой стратегии, теоретически заявленной в предисловии и практически осуществленной в переводах, количеству введенных в научный оборот филологических трудов, разнообразию и идейной насыщенности комментариев книга, подготовленная Львовым, значительно превосходила аналогичные издания П.Е.Струйского (1788) и И.В.Виноградова (1792). Вышедшие вслед за ней переводы .Эмина (1795) и И.И.Мартынова (1802) не шли ни в какое сравнение с изданием Львова по полноте представленных текстов и научному уровню их интерпретации и комментирования.

Структура издания «Анакреон» достаточно сложна и строго продумана. Книга состоит из четырех частей. Первая – предисловие «Жизнь Анакреона Тийского» – предваряет художественные тексты описанием жизненного и творческого пути древнегреческого поэта. Здесь, как и в других своих масштабных проектах (например, в «Русском Палладию»), Львов выходит за рамки традиционного жизнеописания художника. Перечисляя многочисленные издания анакреонтики в Европе, он попутно излагает историю ее изучения и на этом фоне определяет свои эстетические принципы переводчика и издателя. В результате жизнеописание превращается под пером Львова в эстетический манифест, имеющий и самостоятельное значение как изложение концепции переводческого искусства. Три других части – это три книги од древнегреческого лирика, напечатанные билингва и имеющие общее название «Стихотворение Анакреона Тийского». Каждая книга заканчивается разделом примечаний, где переводчик поясняет значение иноязычных слов, комментирует то ли иное свое решение, сопровождая его развернутым анализом параллельных примеров из французских и немецких изданий. Комментируя их достоинства и недостатки, он включает читателя в совместный поиск наиболее удачного выражения для мысли Анакреона.

Сложная структура книги потребовала особой композиции, необычной для русской издательской практики конца XVIII в. Трудности издания и спешка при его подготовке (на что жалуется сам Львов¹⁸) привели к ряду типографических неувязностей в реализации замысла. На первом листе книги в качестве названия напечатано на греческом и русском языках имя Анакреона: «ΑΝΑΚΡΕΟΝ /

поэзии начала XIX в. // Державин Г.П. Анакреонтические песни / Отв. ред. Г.П.Макогоненко. – М.: Наука, 1987. – С. 259.

¹⁸ [Анакреон.] Стихотворение Анакреона Тийского: В 3 кн. / Перевод **** [Н.А. Львова]. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1794. – С. XIX – XX. Здесь и далее ссылки даны на экземпляр РГАДА.

АНАКРЕОН». Однако этот лист не оформлен типографами как титульный: на нем нет больше никаких сведений. За ним следует предисловие «Жизнь Анакреона Тийского» (с пагинацией римскими цифрами) в сопровождении двух приложений. Первое – «Анакреоновы переводчики»¹⁹ – является достаточно полным для того времени хронологическим аннотированным перечнем европейских изданий Анакреона. Второе – «Оглавление древним и новейшим авторам, на свидетельстве коих основана жизнь Анакреонова»²⁰ – представляет собой оглавление к предисловию Львова и одновременно выполняет функции предметно-именного указателя. Далее следует «Оглавление од Анакреоновых, во всех трех книгах находящихся»²¹, в которое включены, для удобства читателя, не только названия стихов, но и важнейшие тезисы примечаний. Оно предваряет основную часть издания.

Основная часть издания – «Стихотворение Анакреона Тийского» – имеет отдельную пагинацию. Разворотный зеркальный титульный лист, как и положено в книге билингва, содержит сведения об авторе, названии и переводчике (его имя в печатном тексте обозначено звездочками; при переиздании Львов планировал раскрыть эту тайну²²): «ΑΝΑΚΡΕΟΝΤΟΣ / ΤΗΙΟΥ / ΜΕΛΗ // ΣΤΙΧΟΤΩΡΕΙΟΝ ΑΝΑΚΡΕΟΝΑ ΤΗΙΣΚΟΥ / Перевел **** **», а также о месте и годе издания: «В Санктпетербурге, Печатано в Типографии Корпуса чужестранных единоверцев, 1794 года»²³. Этот титул относится ко всем трем книгам од Анакреона. Подзаголовок «Книга первая» расположен не на следующей странице, как того ожидает читатель, а на предыдущей и таким образом опережает основное заглавие. Основное заглавие повторяется и на следующем после титула развороте, непосредственно перед текстом оды 1, но без номера книги. Шмуцтитлы второй и третьей книг построены также не без логических сбоев. На их авантитлах греческое общее название: «ΑΝΑΚΡΕΟΝΤΟΣ / ΤΗΙΟΥ / ΜΕΛΗ» стоит в параллели с русским названием части: «АНАКРЕОН / КНИГА / ВТОРАЯ (ТРЕТИЯ)»; зеркальные шмуцтитлы практически повторяют разворот титульного листа первой книги²⁴.

Таким образом, на первом листе издания и авантитлах второй и третьей книг, в отличие от титула первой, в функции названия стоит имя «Анакреон». Это послужило причиной расхождений в описании книги в XIX и XX в. Так, Я.К.Грот именовал ее «Анакреоном», считая «Стихотворение Анакреона

Тийского» вторым ее заглавием²⁵, а современные библиографы называют книгу «Стихотворением Анакреона Тийского» по титульному листу, расположенному после предисловия и оглавления книги²⁶.

Каковы же основные идеи «Анакреона» Львова и его концепция анакреонтики? «Жизнь Анакреона Тийского» по глубине мысли, масштабности задач и выдвинутым перспективам их решения сопоставима с манифестом «От издателя Русского Палладия», которым Львов открыл «Четыре книги Палладиевой архитектуры» (СПб., 1798). В обоих текстах в центре внимания писателя – идеализированный образ художника далекой по месту, времени и менталитету культуры. Тем не менее его жизнь и творчество служат материалом для постановки важнейших эстетических проблем современности: места художника в обществе, сущности художественного творчества, его понимания и интерпретации современниками и потомками, отношения к древним и новым. Отмечая, что «безделки Анакреоновы для больших людей служили примерами подражания... и подражания еще не всегда удачного», Львов критически оценивает художественные достижения современной ему анакреонтики – как европейской, так и отечественной. Это приводит его к необходимости определить истинную сущность творчества поэта: «Анакреон был не только образец лучшего стихотворства, но и изобретатель оно»²⁷. И если в качестве *образа* Анакреону можно подражать, как это делали новые европейские писатели (их сочинения Львов именуется «пухлым витийством» и «фальшивыми блесками»²⁸), то *изобретательность* древнего поэта – это талант, которым стоит восхищаться – и которому следует учиться. Следованию букве Анакреона Львов противопоставляет верность его духу; но дух его можно постичь, лишь проникая в глубины его мыслей и чувств. Так и сам древний поэт, по словам Львова, воспринимал мир: «Анакреон не токмо наблюдал наружные богослужения обряды, но самим делом

²⁵ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота: В 9 тт. – СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1864. – Т. 1. – С. 589.

²⁶ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725 – 800. – М.: ГБЛ, 1962. – Т. 1: А – И. – С. 35; Н.А.Львов. Библиография / Составитель Г.Д.Злочевский // Гений вкуса: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной творчеству Н.А.Львова / Ред. М.В.Строганов. – Тверь: ТвГУ, Золотая буква, 2001. – С. 365; Русская книга гражданской печати XVIII в. 1708 – 1800 [Электронный ресурс]: Каталог. – СПб.: РНБ, ImWerden, 2007. – С. 14, 21. – Режим доступа: <http://imwerden.de/> (12.02.2009)

²⁷ [Анакреон.] Стихотворение Анакреона Тийского: В 3 кн. / Перевод **** ** [Н.А.Львова]. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1794. – С. X (с учетом авторской правки).

²⁸ Там же. – С. VIII (с учетом авторской правки).

¹⁹ Там же. – С. XXIV – XXXIII.

²⁰ Там же. – С. XXXV – XXXVI.

²¹ Там же. – С. XXXVII – XLIII.

²² Там же. – С. 197 (с учетом авторской правки).

²³ Там же. – С. 2 – 3.

²⁴ Там же. – С. 95 – 97, 197 – 199 (с. 197 – 199 в экземпляре РГАДА сшиты неверно).

доказывал, что душа исполнена была действительным смыслом их таинств; без того и стихи его не были бы глагол нежных ощущений, идущий кратким и простым путем прямо к сердцу, источнику всякого пленительного изречения»²⁹.

По мысли Львова, античная поэзия – это глубины духа, выраженные в слове. Именно это побуждает читателя к особому ее восприятию – желанию мысленно беседовать с автором, соизмерять с его словами свои мнения и поступки: «...древние же, постоянным примечанием человеческих дел красоты истинны в чистом источнике природы почерпавшие, умели оные в коротких сочинениях своих так оживотворить действием, что, проходя без усилия память, начертаются они в сердце приятным утешительным впечатлением, и такова сила истинны, что между писателем оной и мною, читающим, остается какая-то взаимная доверенность, познание свойства его, знакомство хотя не личное, но такое, по которому можешь себе иногда сказать: *он так бы не подумал*, или: *он бы в сем случае так не поступил*. Потому что древние сообщали свету только то, в чем сами убеждены были опытом; и Анакреон, мне кажется, искусив ощущение природы, открыл мне оное в душевной своей откровенности с тем, что его стихами чаще я могу к добру своему руководствоваться, нежели пощеголять, повторяя оные в беседе...»³⁰

В «Жизни Анакреона Тийского» Львов высказывает и еще одну важную мысль: «Желательно было бы, чтоб мнения, в книге обнародованны, были всегда действительные правила частной жизни автора ее; библиотеки тогда сделались бы сокровищем сердец, книги – зеркалом истинны, человека узнавали бы вдруг и по собственной его, так сказать, расписке, сократился бы тогда путь к познанию и благочестию его»³¹. Спустя несколько лет романтики сформулируют эту мысль более компактно и энергично: «Жизнь и поэзия – одно» (В.А.Жуковский), «Слова поэта суть уже дела его» (А.С.Пушкин).

«Анакреон» Львова явился первым в России опытом комментированного издания греческой анакреонтики с учетом достижений европейской филологии XVII – XVIII вв. Замыслив книгу билингва, Львов обязывает себя к максимально точному воссозданию духа и буквы источника. Свои художественные решения он поверяет сложившейся на тот момент практикой переводов Анакреона. Помимо оригинальных текстов, он использует переводы анакреонтики на европейские языки, принадлежавшие А.Дасье, А.Лафоссу, И.-Б. Лон-

жепьеру, Ф.Гакону, П.Ролли, Ж.-Ж. Мутонне де Клерфону, И.-Х.-Ф. Майнеке и др.

Главным критерием выбора того или иного варианта перевода для Львова становится культура «страны прибытия», знания и менталитет читателя, которому перевод адресован. Чтобы облегчить понимание текста, Львов регулярно поясняет встречающиеся в нем экзотизмы и мифологемы, вводя читателя в особый мир античной литературы и культуры, например: «*Я на Лотовых листах*. Ст. 1. *Lotos, lotonsativam, sive urbanam*. Диоскорид называет *ημερον Λωτόν*: род благовонной дягльвины или трилистника, другие Лотом называют род кустарника цветного и благовонного. *И на ветвях мирты лежа*. Ст. 2. Древние обычай имели делать себе из разных трав постели. Сие можно видеть в Еврипиде, а Платон в 1 или 2 Книге Республики говорит, что они усыпали травами постели свои. *Mad. d'Acier poësies d'Anacreon pag. 12. notte 1. К вечным мертвых хорободам*. Ст. 18. Анакреон здесь понимает про хорободы блаженных душ в полях Елисейских. В Плутархе есть отрывок оды Пиндаровой, в которой сказано, что в полях Елисейских иные забавляются верховою ездою, другие – игрою в шашки, а третьи на музыкальских орудиях. То веселому стихотворцу простиительно было покойников и танцевать заставить»³².

Исторические комментарии сочетаются в книге с культурологическими. Так, переводя стих «А мужество – мужчинам» в оде «К женщинам», поэт объясняет свой выбор особенностями русской ментальности и гендерного мышления: «Сей стих в лучшем немецком переводе, напечатанном в Лейпциге <в> 1776 году bei Weidmanns Erben und Reich, переведен *φρόνημα die Männer Waffen Künste* или *die Männer Waffen führen*, то есть *мужчинам ратоборство*. Г-н же Мутоннет де Клерфон переводит оный: *et le courage aux hommes*. Но Преосвященный Евгений, коего пространным и глубоким сведением греческого языка руководствовался я в переводе моем, под именем *ηια* разумеет чисто *благоразумие*. – Если немец из учтивости к полу, толь любимому Анакреоном, не посмел поставить такой хулы (которую, верно, он разумел) то, как русскому объявить войну лучшей части света, отказав ей (суровой, однако) дар *благоразумия!* А для того и перевел я *φρόνημα* ни *ратоборство*, ни *благоразумие*, но *мужество мужчинам*, уповая, что противоположением одного, т.е. *нежностию*, прекрасный пол не оскорбится, а смысл не потеряется»³³. Именно «свое» сознание определяет меру и степень свободы интерпретации переводчиком «чужого» текста источника.

Многочисленные параллельные примеры, сопоставления и пояснения не делают книгу тяжелой

²⁹ Там же. – С. VII (с учетом авторской правки).

³⁰ Там же. – С. VIII – X (с учетом авторской правки). – Курсив Н.А.Львова.

³¹ Там же. – С. XVIII (с учетом авторской правки).

³² Там же. – С. 73 – 44. – Курсив Н.А.Львова.

³³ Там же. – С. 66 – 68 (с учетом авторской правки). – Курсив Н.А.Львова.

и скучной. Напротив, многие комментарии к стихам написаны в игровой форме и содержат не только оценочные суждения о достоинстве той или иной оды, но и автобиографические отступления, обращение к читателю с вопросом или лукавой шуткой, например: «Древние полагали, что престол любви должен быть в печенке. В последующие времена переместили онный в сердце. А в наш просвещенный век многие думают, что любовь в уме...»; «Пожелая Анакреону счастливого похмелья, комментариев на хмель его делать я не обязан»; «Все сие, как вы сами видите, дело немаловажное; а у меня *вино с водою* в стих не поместилось. Я просто написал *вино*; и ежели заболит голова у трезвого моего читателя оттого, что я не разбавил оное водою, в том прошу прощения»; «Анакреон говорит: подле молодого *тутуха*; а слово *тутуха* весьма близко на нашем языке к петуху; и для того поставил я: «Подле юного детины, / Что в беседе смело пьет», чтобы ошибкою чтеца не зайтить в курятник»³⁴.

Таким образом, стихи и примечания составляют оригинальное художественное единство, способствующее установлению «почти личного знакомства» между автором, переводчиком и читателем, о котором и мечтал Львов. «Русский Анакреон» с его новым подходом к античному наследию был по достоинству оценен современниками Львова, и прежде всего его друзьями и единомышленниками. Труд Львова способствовал переосмыслению жанра

анакреонтической оды. Из литературной безделки на эротическую тему, перегруженной риторическими «пухlostями», она превратилась в гибкую поэтическую форму; ее простота и открытость позволяли выразить неповторимое личное чувство, в котором угадывалось и общечеловеческое, всеобщее, вечное. Развивая мысль И.Г.Гердера о греческой поэзии как искусстве, тесно связанном с жизнью народа, Львов подчеркивает близость стихотворений Анакреона народным песням. Каждый национальный поэт, по его мнению, участь у древних, должен опираться на «свое» – художественный опыт своего народа. Воссоздавая в переводах дух поэзии Анакреона, Львов обращается к русской фольклорной традиции, поэтике и мелодике народной песни.

В творчестве Львова «Анакреон» стал началом своеобразного античного цикла. Последовавшие за ним пьесы «Милет и Милета» (1794) и «Парисов суд» (1796), проект альбома «Овидиевы превращения» (конец 1790-х гг., совместно с И.Ф.Тупылевым) и «Русский Палладий» (1798), восходящий через посредничество А.Палладио к началу начал античного зодчества, открывают особую любовь Львова к античности. Она выразилась не в подражании древним, а в творческом преобразении созданных ими мифов, поэтических песен и архитектурных форм.

³⁴Там же. – С. 70, 174 – 175, 189, 190. – Курсив Н.А.Львова.

N.A.LVOV AND «RUSSIAN ANACREON»

© 2009 E.G.Milyugina^o

Tver state university

The article is devoted to main work of N.A.Lvov (1753 – 1803) as translator – «Anacreon» (1794). The book for the first time is described as complex, in view of its structure, comments and the editing made by preparation for the second (unfulfilled) edition. The purpose of research is explanation of specificity of Lvov's poetic translation concept and his understanding of anacreontics' essence.

Key words: Russian literature of XVIII century, N.A.Lvov, poetic translation, anacreontics.

^oMilyugina Elena Georgievna, Cand.Phil.Sci., the senior lecturer of faculty of Russian with a technique of elementary education.
E-mail: Elena.Milyugina@tversu.ru